

УДК 908(571.66)

Ковалева М.В.,
кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Мценский филиал

**Повседневная жизнь рыбаков поселка на Камчатке
в середине XX века
(село Ича Соболевского района Камчатской области)**

Автор статьи рассказывает о повседневной жизни рыбаков поселка Ича на Камчатке в середине 20 века. Она описывает природу, основные занятия, стиль жизни населения. Село Ича прекратило свое существование в результате экологической катастрофы, которая произошла по вине японских рыбопромышленников, усиленно вылавливавших лосося с помощью многокилометровых плавучих сетей в конце 1950 – начале 1960-х годов.

Ключевые слова: история Камчатки, история Соболевского района Камчатской области, природа Камчатки, рыбацкий поселок, рыбоперерабатывающий завод, устройство рыбоперерабатывающего завода, организация производства на рыбоперерабатывающем заводе, детство в рыбацком поселке, повседневная жизнь рыбацкой деревни, дрейфтерная катастрофа конца 1950-начала 1960-х гг.

Kovaleva M. V.,
Kandidat of Historical Sciences, Senior Lecturer
of the Department of General education disciplines,
Orel state University named after I. S. Turgenev,
Mtsensk branch

**Everyday life of a fishing village in Kamchatka
in the middle of the twentieth century
(Icha village, Sobolevsky district, Kamchatka region)**

The author of the article tells about the daily life of the fishing village of Icha in Kamchatka in the middle of the 20th century. It describes the nature, the main occupations, the lifestyle of the population. The village of Icha ceased to exist as a result of an ecological disaster that occurred due to the fault of Japanese fishermen, who intensively caught salmon with the help of multi-kilometer floating nets in the late 1950s - early 1960s.

Keyword: History of Kamchatka, history of the Sobolevsky district of the Kamchatka region, nature of Kamchatka, fishing village, fish processing plant, arrangement of a fish processing plant, organization of production at a fish processing

plant, childhood in a fishing village, daily life of a fishing village, an ecological disaster caused by Japanese fishermen as a result of increased salmon fishing with the help of multi-kilometer floating nets.

Каждое поселение, подобно человеку, рождается, живет и умирает. Душу его составляют люди. Когда люди уходят, то, что остается, уподобляется скелету какого-нибудь древнего животного, чей облик мы можем реконструировать приблизительно, а о его внутренней жизни не можем сказать практически ничего.

Самым страшным врагом человека является забвение. Тот, кто не помнит и не любит своего прошлого, тот теряет связь с родной землёй, а иногда лишается не только настоящего, но и будущего. Именно поэтому так важно сохранять и любить все, что связано с твоей родиной, с людьми, которые украшали её и обогащали её своим трудом.

Село Ича возникло в XVIII веке и получило своё название в честь реки Ича, а закончило своё официальное существование в результате дрефтерной катастрофы конца 1950-начала 1960-х годов [Кусков, 1967]. Цель нашей статьи – описать повседневную жизнь жителей Ичи в период её благополучия на основе воспоминаний и фотоархива Александра Гордеевича Холманских (1928 – 2000), начальника Ичинской радиостанции (1950 – 1962).

Александр Гордеевич Холманских со своим отцом Гордеем Михайловичем оказались в Иче 11 мая 1941 г. в результате вербовки на обработку рыбы. Они были родом из Тюмени, но на момент вербовки пребывали в д. Черная Багана Челно-Вершенского района Куйбышевской области. До Владивостока завербовавшиеся рабочие ехали товарным поездом с вагонами-теплушками. От Владивостока до Ичи добирались грузовым пароходом «Чапаев», при этом пассажиры располагались в трюме и проходах. Бывали случаи, когда будущие жители Ичи приходили в неё пешком. Путь от Ичи до Петропавловска-Камчатского занимал примерно две недели.

Село Ича Усть-Большерецкого района Камчатской области находилось неподалёку от побережья Охотского моря. Уже осенью, начиная с октября, там бывали сильные ветра и шторма, которые могли смыть целые поселки (так, например, смыло поселок Колпаковский, в котором располагался рыбокомбинат в 1958/1959 гг.) Волны, захлёстывая берег, разливались по руслу соединённой с ним реки, расположенной рядом с поселком. В спокойное время берег покрывался шугой – замерзшим снегом с песком и галькой, выброшенными на берег и застывавшими в виде гор высотой до 5 метров. Зимой сильная пурга заносила дома снегом по самые крыши, так что соседи помогали друг другу откапывать двери. В самый тёплый месяц июль температура поднималась до +16-18 градусов.

Вдоль берега моря тянулась коса, поросшая высокой солёной травой, которую очень любили коровы, и тальником, кустами ивы высотой до 2 метров. Неподалеку протекала река и высилась гора, на которой летом росли красная брусника с похожими на восковые листьями, черная шикша, жёлтая морошка, голубые жимолость и голубица. В мае поспевала черемша, дикий чеснок,

которую солили в бочках. Окрестности покрывала высокая трава, среди которой встречались пырей и лопухи.

Недалеко от поселка начиналась тундра, покрытая лохматым ягелем. В тундре встречались болотистые участки с черными ямами, наполненными водой, со дна которых выделялся газ. Некоторые ямы имели глубину до 3 метров. Через болота шли по мягким кочкам, пучкам травы, торчавшим из воды. В тундре на болотах и многочисленных озерах жило много дичи, гусей и куликов, которые питались ягодой. Клинья гусей прилетали в апреле и улетали в сентябре. Серые длинноносые кулики днем питались в тундре, а на ночь летели на островки, окружённые со всех сторон водой. На Иче водилось много видов уток. Небольшие утки-чирки обитали на реке, серые утки, кряквы и гоголи – на озерах. Морские утки гагары, черные с белой грудью, и остроносые гаги жили на Птичьем острове и на скалах, днем ныряя и плавая в море. Они откладывали яйца в апреле и в мае.

Большие альбатросы летали вслед за рыболовными судами и даже ночевали на них, ловя рыбу и рыбы внутренности, которые выбрасывали в море с плавзавода. Над морем кружили маленькие чайки-черноголовки.

Лесные участки встречались не ближе двух километров от Ичи. На них по отдельности росли скрученные ветром берёзы, высокие лиственницы и кедр-стланик (стелющаяся сосна с широко раскинутыми в стороны ветвями). В лесу собирали морошку, на открытых местах – жимолость и голубику, совсем мало клюквы. Там цвели дикие ирисы («петушки»), рыжие лилии в черных пятнышках, темно-вишнёвые колокольчики.

В тундре и в лесу водились медведи и волки. Однажды жители Ичи приручили медвежонка-сироту. Однако когда он вырос, то стал отбирать продукты у женщин, возвращавшихся из магазина, становясь на задние лапы и рыча. За это его пришлось пристрелить. Волки ходили вокруг табунов оленей, иногда настолько бесстрашно, что пастухи убивали их ударом по голове или выстрелом в глаз. Хищники огрызались, но не бежали. Лисы ловили в тундре мышей и зайцев. В лесных дуплах жили соболи и колонки. В реках, управляя хвостом, как веслом, плавали бобры, с которыми соседствовали выдры. В месте, где река соединялась с морем, можно было видеть черных нерп с белыми усами.

Глухари прятались в лунках в снегу. Охотники стреляли в них либо когда двигались на лыжах, и птицы взлетали на ветку из-под ног, либо в апреле, когда глухари токовали и в этот момент ничего не слышали. Предметом охоты были и куропатки, коричневые летом и белые зимой. На них охотились весной, когда показывались из-под снега кочки, на которых питались птицы. Застрелить их можно было, только подъехав на собаках. Охотника на лыжах они не подпускали.

На Иче встречались следующие виды рыбы: семга, чавыча, кижуч, кунджа, кета, горбуша, голец, корюшка, камбала, навага, треска и бычок. С начала июля «красная» рыба в течение двух недель шла против течения на нерест из моря в устье реки и выше, чтобы в мелких местах метать икру. Мальки, перезимовав, весной уплывали в море, чтобы на третий год жизни вернуться в ту же реку. Кроме рыбы с апреля по июнь шёл лов крабов.

Большую часть года село Ича было отрезано льдами от всего остального мира. Его центром был, как и в соседних поселках, рыбокомбинат.

Каждый день в 3 часа утра мотоботы шли в море, ставили сети и привозили поставленные накануне, в которых могло находиться до 7 тонн рыбы. Мотоботы привозили до 300-400 сетей. Каждый рабочий должен был по норме распутать 16 сетей. На пристани рыба спускалась в жёлоб и проталкивалась по нему с помощью толкателей (орудие типа рогатины) на лопатки транспортёра. На заводе она разделялась, для чего резчицы раздельно раскладывали куски мяса, икру и внутренности. У них были столы с отдельными отверстиями для икры и для кишок. Резаная рыба бросалась в бункеры. Счетчики доставали рыбу из каждого бункера и считали. Дальше рыба попадала в корыто, где мойщики мыли её, после чего в вагонетках она по узкоколейной железной дороге ехала в посолочный цех. Там она попадала в чаны, где первый слой клался на деревянные доски, а сверху засыпался солью и льдом.

Рыбья икра в ястыках (пленке) протиралась на грохотке, откуда падала зернами в жёлоб, а затем сползала в корыто. После этого икра помещалась в чан с рассолом (тузлуком), где её мешали веслом. Тузлук готовился в чане из горячей воды, которая подавалась через трубу и должна была пройти через ящик с 200 кг соли. Затем икру доставали, давали ей стечь, после чего помещали в 50-килограммовые бочки, куда добавляли ореховое масло, буру и уротропин.

Гордей Михайлович Холманских по прибытии в Ичу стал работать на рыбокомбинате по своей основной профессии – портным. Его сын поступил в работавшую при рыбокомбинате неполную среднюю школу. В школе обучали русскому языку, литературе, арифметике, алгебре, геометрии, естествознанию, истории, географии, физике, химии, немецкому языку, рисованию, черчению, давали знания о Конституции и военном деле. Однажды Александр при всех поздравил учительницу Марью Ивановну с законным браком, за что был изгнан за дверь, однако после учительница извинилась, поблагодарила его и сказала, что такие вещи нужно делать не на уроке, а, например, в коридоре.

В свидетельстве по окончании школы, выданном 18 августа 1943 г., отмечается, что при отличном поведении Александр проявил хорошие знания по алгебре, иностранному языку, черчению и отличные – по военному делу. Уже с мая 1943 г. Александр поступил работать на рыбокомбинат учеником портного, причем в ноябре того же года он уже был подручным портного 3-го разряда, а к маю 1945 г. – портным 4-го разряда. Он подрабатывал, возя на комбинат лежки (доски, жерди) и пакотá (круглые обточенные бревна), из которых делали настил для вытаскивания невода на берег.

В годы Великой Отечественной войны Ичинский рыбокомбинат производил консервы для фронта. Рабочих кормили рыбным супом с черной капустой. Вдоль берега моря у Ичи иногда курсировали японские военные корабли. Тогда молодым рабочим давали деревянные винтовки, с которыми они ходили вдоль берега, изображая его охрану. «Мы были так горды этим, – вспоминал Александр Гордеевич спустя годы, – ничего не боялись. Только сейчас понимаю, как легко было нас застрелить всего одним выстрелом, если бы японцы только додумались до этого».

В 1940-е гг. самым распространённым видом грузового транспорта в Иче были легковые и грузовые собачьи нарты. Нарты делались из дерева и стягивались ремнями, без гвоздей. Они состояли из полозьев, копыльев (части, соединявшие сиденье и полозья), накладок и «баранов» (дуг в районе сиденья, чтобы нарта отскакивала от предметов, с которыми столкнётся). Грузовые нарты делались наподобие дровней, 3,5 – 4 метра в длину, не обязательно с «бараном». В нарты запрягали 6,8,10 или 12 ездовых собак. Ремень, к которому пристёгивались собаки, назывался алык. Собаками управляли с помощью специальных команд: «Хук!» – «налево», «Сюда!» – «направо», «Ну-ка!» – «вперёд». Чтобы остановить нарту, использовали остов с металлическим наконечником.

Александр тоже завел себе нарту. Среди его собак были здоровенный белый Битюг, белый с черной шеей Бобик («Увидит ворону: «Тяв-тяв-тяв!» – и собаки бегут вперёд), черный лохматый Мишка, Джек и Дамка. Вожаком был белый с серыми полосами Марсик: «Марсик был справедливый вожак. Когда он бежал, то оглядывался: какая собака лукавит? Если видел, то останавливался, трепал и бежал дальше».

Щенков ездовых собак кормили вареной рыбой, которая называлась опан. Взрослые ели кету, горбушу и не ели минтай. Рыба для собак заготавливалась в земляных ямах.

Однажды Марсика украли. В 1946 г. Александр шёл по улице, когда на него неожиданно бросились собаки, запряжённые в нарту. Он думал, что они его задерут, но вожак не тьякнул, потому что это был Марсик. Александр спросил хозяина нарты, где тот взял передовую собаку. Тот ответил, что купил. Александр возразил, что собака ворованная: если он отцепит её, она пойдёт за ним. Так оно и вышло. Новый хозяин заплатил Александру 200 рублей отступных, так как юноша уезжал учиться и не мог оставить её себе.

Александр Холманских был направлен учиться на курсы радиооператоров при учебно-курсовом комбинате ГлавКамчатрыбпрома в Петропавловске-Камчатском. Совместно с товарищем они добирались до места пешком, взяв с собой охотничьи ружья и ночуя у костра. Часть пути им помог преодолеть встретившийся по дороге обоз военной части.

Обучение на радиооператора длилось с 22 июля 1946 г. до 14 мая 1947 г. Стипендия курсантов составляла чуть больше 200 рублей, и ещё 800 рублей присылало предприятие. Они были приписаны к магазину «Нолёвка», который обслуживал начальников Камчатрыбпрома. В магазине по праздникам им выдавали 0,5 литра спирта на человека (спирт в то время свободно не продавался), а также папиросы и махорку. Желая подзаработать, они продавали 100 г. спирта по 100 руб., а пачку махорки – по 25 руб.

Чтобы стать радистом, курсанты должны были освоить работу на пишущей машинке, общую радиотехнику, радиоприёмники, передатчики, электротехнику, двигатели внутреннего сгорания, приём на слух и приём на ключе. Холманских А.Г. сдал экзамен с общей оценкой «пять». По возвращении на Ичу, он, видимо, в ожидании места, 1 июня 1947 г. был зачислен бригадиром торфоцеха Ичинского рыбокомбината, 1 июля стал учетчиком, а 1 декабря – радистом,

после чего был переведен на Сопочный комбинат, где работал до июля 1949 года. Его дневная ставка как моториста рации VI разряда составляла 24, 74 руб., а доплата за работу трансузла – 220 руб. с обязанностью подменять сменщика в выходные дни. 11 февраля 1950 г. Холманских А.Г. снова вернулся на Ичу, чтобы исполнять обязанности начальника радиостанции. 15 марта того же года он был призван в ряды советской армии. Молодой человек мечтал о военном флоте, однако этой мечте не было суждено сбыться. Выяснилось, что призыв юношей 1928 г. рождения оголил береговые радиостанции: некому было регулировать передвижения рыболовных судов. Многие были демобилизованы и отправлены обратно по месту работы. Холманских А.Г. находился в должности начальника Ичинской радиостанции с 15 марта 1950 г. по ноябрь 1962 г. В 1950 г. он женился на попавшей на Ичу по распределению учительнице истории Громовой Елизавете Васильевне. В 1951 и 1952 гг. у пары родились сын Александр и дочь Зоя.

Радиостанция находилась на окраине села. Небольшой одноэтажный домик состоял из, собственно, самой радиостанции и квартиры начальника радиостанции. Дверь была расположена так, что во время пурги никогда не заносилась ветром. Радиостанция отапливалась печью. Удобства представляли собой ведро с водой и перекладной или деревянным сиденьем, которое стояло в прихожей. От ближайших домов села радиостанцию отделяло достаточное пространство, на протяжении которого значительное место занимало рыбохранилище, сложенное изнутри из глыб льда, засыпанных землёй.

В 1950-е гг., период процветания села, население Ичи составляли преимущественно молодые люди, которые зарабатывали здесь деньги, чтобы в дальнейшем переехать «на материк». Часть работников были сезонники, которых завозили на время путины (сезона, когда происходил интенсивный лов рыбы). От связей сезонников появлялись младенцы, которых оставляли в местной больнице. Их тут же усыновляли бездетные пары, которые, чтобы скрыть факт усыновления, уезжали сразу, как дети немного подрастали. В качестве работников также завозились корейцы. Был случай, когда они массово сбежали в тундру, не желая возвращаться на родину. Корейцы ходили на пристань, чтобы выпутывать из сетей морскую капусту, которую они, в отличие от остального населения, употребляли в пищу. На пристани всегда была бочка, под которой горел огонь. В ней в морской воде варились крабы. Любой желающий мог прийти и выловить себе на еду.

Коренное население окрестностей Ичи представляли собой ламуты. Их стойбища располагались далеко от берега. В основном они разводили оленей и занимались охотой. Несколько раз в год они приходили в Ичу сдавать шкуры диких животных. В этот период ламуты любили заказать в столовой большое количество чая с сахаром, так что стаканами был уставлен весь стол, и наслаждаться горячим напитком. Жители Ичи ездили в ламутские стойбища за оленьими языками.

На Иче существовало земледелие. Там сажали картошку, используя в качестве удобрения уйков (мойву), которая в определённый сезон шла вдоль берега и выбрасывалась волнами. Местные жители собирали её в ведра,

используя часть для еды, а часть – на хозяйственные нужды. Росли в огородах и кусты черной смородины. Огурцы и помидоры выращивали на окнах как экзотику.

Ича была доступна для подвоза товаров несколько месяцев в году, с конца весны до начала осени, прежде чем море сковывало льдами. Товары завозились сразу на год. Среди товаров были модные вещи, музыкальные инструменты, техника. В архиве А.Г. Холманских сохранились фотографии, запечатлевшие важные покупки – баян, зимнюю шапку, новые драповое и кожаное пальто. У него были личные средства передвижения – лодка, собачья упряжка, мотоцикл (на нём компания друзей ездила на охоту на дальние расстояния). Завозились и книги. Его дочь, Зоя Александровна, вспоминала, что у них были такие книги, как «Винни-Пух» А. Милна, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Мифы древней Греции», «Повесть о Зое и Шуре» Л. Космодемьянской, «Мальчики с бантиками» В. Пикуля, книга об изготовлении новогодних игрушек и маскарадных костюмов своими руками, иллюстрированные учебники по истории древнего мира.

В конце года, когда срок годности товаров подходил к концу, их уценили. В это время отец мог принести домой большую сумку с конфетами.

Некоторые товары завозились из Китая. В основном это были тушёнка и колбасный фарш в банках, консервированные овощи, а также тёплая одежда, например, красивые свитера.

В период, когда было возможно судоходство, жители Ичи отправлялись в отпуск на «Большую землю». Поскольку пароход не мог подойти к самому берегу, до него пассажиров везли на барже, а с неё они поднимались на борт по веревочным лестницам при сильной качке. Вещи (и некоторых пассажиров) поднимали в сетке. Зоя Александровна Холманских вспоминала: «На пароходе наша семья занимала целую каюту. Мама и брат обычно лежали больные морской болезнью, а мы с отцом шли в ресторан. Он заказывал себе пиво, а мне – конфеты «Мишка на севере». Когда пароход качало на волнах, то столы, стулья и сидящие на них люди ехали сначала в одну сторону, а потом – в другую. Пароход был такой большой, что однажды я потерялась и несколько часов не могла найти дорогу обратно. Мне так хотелось увидеть «Большую землю», но когда я там оказалась, то поняла, что на Иче были самые счастливые годы нашей жизни».

Культурным центром Ичи был клуб. Там крутили кинофильмы, а также организовывались праздничные программы. Всякий праздник начинали праздновать всем посёлком в клубе, после чего отправлялись домой то к одному жителю, то к другому.

Всегда интересно увидеть мир чужими глазами, особенно когда эти глаза принадлежат ребёнку, чей взгляд незамутнён, а впечатления особенно яркие. В нашем распоряжении есть два рассказа о детстве на Иче. Первый из них принадлежит Власенко Вере Анисимовне: «Родилась я в поселке Ича в 1945 году. Родители родом из Украины – отец с Хмельницкой области, а мать родилась в Киеве. Бабушка и дедушка приехали на Камчатку сезонниками и привезли с собой маму. Тогда ей было года четыре. Отец служил в Усть-

Большерецке. В 1938 году пришел пешком на Ичу, там и встретил маму. Семья у нас была большая – вместе с родителями одиннадцать человек. Жили в домике из кухни и одной комнаты. На ночь раскладывали между кроватями доски, на них постель. Мое место было под столом. Хотя и было нас много, нужды не знали. У нас было свое хозяйство, огород. Одежду и обувь носили друг за другом.

Ича была центральной базой, на север от нее были 1-я, 2-я и 3 базы, сама Ича 4-я база, на юг от нее 5-я и 6-я. Напротив 3-й базы стояла воинская часть ПВО. На южной окраине Ичи располагался рыбокомбинат. Там, кроме соленой рыбы, закатывали в баночку консервы из кижуча, гольца, краба. Каждое лето привозили много сезонников. Рыбу ловили в море ставными неводами. На них бригадами работали в основном корейцы, они же были курибанами. Как и в любом поселке, на Иче была больница, клуб, школа десятилетка, 2 магазина. Дети с баз учились в школе на Иче и жили на квартирах. Многие жители держали коров, поселковое стадо насчитывало примерно 50 коров. Кроме того, у рыбокомбината была своя молочная ферма примерно из 100 голов. Пасли коров за лиманом. Пастуха не было, и коровы к дойке шли сами домой. Случаев, чтобы корову задрал медведь, не было. Сено заготовливали в тальниках вверх по реке. Там же были и огороды, где сажали картофель. Возили туда людей на кавасаках и сабунках. Капусту сажали недалеко от поселка на косе. Коса тогда была широкая и с морской стороны у нас были грядки. Мама там даже выращивала табак.

С водой пресной было туговато – в лимане вода была соленая. Брели ее за лиманом из пресного источника. Летом возили во флягах на лодках, зимой по льду на коромыслах. Дома для воды стояла специальная бочка, ее и наполняли. Так как собачьи упряжки были основным транспортом, летом для них заготовливали рыбу всей семьей. Рыбалкой руководил отец. Когда лодку до краев нагружали, мы с братом садились на весла и везли рыбу домой. Икру никогда не заготовливали, рыбу солили себе на еду и собакам. Летом было очень много уйка на прибойке. Когда он подсыхал, мы собирали его мешков по двадцать на корм собакам.

Из Петропавловска иногда приходил пассажирский пароход «Гоголь». Кают на нем не было, пассажиры располагались в закрытой палубе на нарах. Зимой прилетали самолеты АН-2, садились на лиман. На праздники прилетал ЛИ-2 и сбрасывал почту. Некоторые мешки уносило в море, если был ветер. Некоторые мешки рвались, и конверты разлетались в разные стороны. Дети собирали их и разносили по адресам, не занося на почту. Однажды прилетел гидроплан летом, сел в лимане на воду и подрулил к лодочной станции. Детвора высыпала на берег посмотреть на чудо.

Из школьных учителей помню завуча Сухопарова Виктора Петровича, учителей Кирлякову, Кремлева. Кремлев из Петропавловска пришел на Ичу пешком за 14 дней. Он учил детей 1-4 классов. На школьных мероприятиях играл на баяне и был единственным баянистом в поселке. Люди в те времена жили дружно и открыто. Двери никогда не запирались, достаточно было прислонить к двери метлу или палку. Безобразия были, когда привозили сезонников. Молодежь, как могла, благоустраивала поселок –

привозили дерн с полевыми цветами и делали из них клумбы» [Кусков, 1967: 365-366].

Второй рассказ принадлежит дочери начальника радиостанции Холманских Зое Александровне: «Моя мама работала учительницей, поэтому по вечерам часто бывала занята, и ей нельзя было мешать. Обычно я сидела и тихо играла в углу в медведей. Их у меня было множество, от самых маленьких до самых больших. Все они назывались «митьками».

Когда мама уезжала на сессию, мы с братом оставались на отца и сами вели хозяйство. Однажды мы затеяли стирать, и брат отковыривал грязь с белья гвоздём. В другой раз я решила помочь семье, вырастив редиску. Посадила её в тени под забором. Редиска вытянулась и зацвела. Корнеплодов я, естественно, не дождалась.

Когда отцу было некогда готовить, мы шли на пристань. Там в большой бочке в морской воде варились крабы. Мы садились и ужинали с рабочими. Чтобы еда была плотней, отец требовал, чтобы конфеты мы заедали хлебом. Фрукты на Иче были привозные. Иногда отец приносил домой ящик, в котором, порывшись в шелухе, можно было найти завернутое в бумажку яблоко. Большинство овощей и фруктов у нас были консервированные, из Китая. На банках с тушёнкой была изображена Великая китайская стена. Банку с колбасным фаршем вскрывали с двух сторон, а потом ножом выталкивали содержимое. Первый раз я попробовала свежий огурец лет в 12 и нашла, что у него отвратительный вкус и запах.

Поскольку родители были все время на работе, дети гуляли самостоятельно. Однажды я отправилась к морю и взобралась на высокую гору изо льда, чтобы поглядеть на море, плескавшееся далеко внизу. Случайно сорвалась, и лишь чудом смогла выбраться обратно.

В другой раз мы с компанией в темноте отправились смотреть, как ночью покойники на кладбище поднимаются из могил. В это время с моря прилетел порыв ветра. Венки и ленты на могильных крестах зашелестели. Мы убежали с воплями в полной уверенности, что видели привидения.

Когда на Иче появился первый вездеход, мы с братом играли в войну. Сашка сказал: «Наверно, на нас напали немцы. Ты лежи и следи за ним, а я пойду, расскажу отцу». Я лежала в снегу очень долго, совсем замерзла, а вездеход уехал. Устав ждать подмогу, я отправилась домой и увидела, что брат спокойно ест блины со сгущёнкой, совершенно не собираясь возвращаться за мной.

У моего отца были собственные нарта, лодка, а позже появился мотоцикл. Однажды я решила покататься в лодке, отвязала её и запрыгнула внутрь. Лодку подхватило течением, а я думала, что очень искусно управляю ею с помощью весел. Когда лодку несло вдоль берега, рабочие, заготавливавшие бревна, увидели меня и позвонили отцу. Он бежал за мной несколько километров по берегу, пока не встретил рабочих с моторной лодкой. Они помогли перехватить меня недалеко от места, где река впадала в море.

Мой брат считался очень умным. Он был маминым сыном, а я – папиной дочкой. В детстве моими няньками часто бывали радисты с радиостанции. Брат учился хорошо, читал разные газеты и журналы, особенно журнал «За

рубежом», одновременно потягивая сгущёнку из банки, в которой были пробиты две дырки. В школе ему прочили блестящее будущее, особенно когда он по клеткам скопировал на выставку картину А. Дейнеки «Оборона Севастополя». Я же считалась натурой приземлённой, пригодной больше для хозяйства. В Иче было плохо с хлебом, поэтому, возвращаясь из школы, я должна была занять место в хлебной очереди. Отнеся портфель, я шла назад и стояла в ней иногда до 6 часов вечера. Самой страшной частью пути домой был путь мимо длинного и тёмного рыбохранилища. Я неслась, зажмурившись, мимо него во весь дух.

Мама пыталась и меня приобщить к школьной общественной жизни. Однажды она для роли в школьном спектакле отдала мне своё украшение, а я его потеряла и напрасно искала до темноты в снегу. Она меня очень ругала, а мне было так горько, потому что я была к ней очень привязана.

Как-то я прочла рассказ о семье с двумя сыновьями, один из которых случайно узнал, что кто-то из них с братом приёмный. Он долго обижался на родителей, считая, что его мало любят, но в конце оказалось, что приёмным является его брат. В отличие от брата, который всегда хорошо себя вёл, я постоянно попадала в разные истории, и меня ругали, поэтому я тут же вообразила, что я не родная дочь. Я решила уйти из дома, надела лыжи и ушла далеко в тундру. Темнело. Началась метель. Я поняла, что могу не найти дорогу домой. Я понеслась что есть духу обратно, пока ещё можно было разобрать хоть что-нибудь. Мои ноги были сбиты в кровь. Оказалось, что дома никто даже не заметил, что я ушла.

По вечерам мама обязательно читала нам книги. Моей любимой книгой был «Винни-Пух»: то ли с него началась моя любовь к медведям, то ли я полюбила главного героя за то, что он был медведь. У меня разрывалось сердце от горестей дяди Тома, героя «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу. Также нам читали героические книги наподобие «Повести о Зое и Шуре», «Улицы младшего сына».

Я все время фантазировала. Мои медведи неизменно участвовали в разных приключениях. Ёлка, украшенная игрушками из блестящей фольги, становилась волшебным царством, по ветвям которой путешествовали украшавшие её игрушечные звери. На меня неизменно производили большое впечатление героические истории из книг и фильмов. Я все время фантазировала о том, как участвую в разных опасных приключениях, помогаю благородным героям. Я заказывала себе, чтобы мне во сне приснились разные истории. И они мне снились, иногда в течение нескольких недель.

В доме у нас обязательно жили животные. Однажды я подобрала в тундре выброшенного туда котёнка, которого назвали Витькой. Когда он вырос, то оказался Викторией и принёс нам потомство. Виктория не собиралась заботиться о нем, так что вместо неё это делал маленький пёс Петька. Петька отличался заботливостью и верностью. Когда мы уезжали на «Большую землю», он чувствовал это и бросался на рабочих с лаем, мешая им выносить вещи. Впоследствии, встречаясь с друзьями отца, я так и не набралась храбрости спросить, что с ним стало. Купила себе фотографию похожего пса и хранила её всю жизнь».

С начала 1950-х гг. японские рыбопромышленники начали усиленный вылов лососевых рыб с помощью многокилометровых плавучих (дрифтерных) сетей, которые расставлялись на пути лососей, возвращавшихся на нерест в камчатские реки. Сети расставлялись в северной части Тихого океана, а в 1955 г. две флотилии были направлены к западному побережью Камчатки в охотское море. Это привело к резкому падению количества вылова рыбы на Камчатке, а также к уничтожению 25 рыбокомбинатов, 25 консервных заводов, 18 холодильников, 36 рыбоперерабатывающих береговых баз, 7 моторно-рыболовных станций, 30 рыболовных колхозов, более ста населенных пунктов. Одной из жертв дрифтерной катастрофы стала Ича. 13 декабря 1974 года она была исключена из списка населенных пунктов [Трагедия, 2017: 5,7,322].

Список литературы

Кусков, 1967 – *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области: (из истории происхождения геогр. названий). – Петропавловск-Камчатский, 1967. 28 с. // <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii/gubernii-rossii/primorskaya-oblast/knigi-ocherki-stati-publikacii.-kopiya4/kuskov-v.-p.-kratkij-toponimicheskij-slovar-kamchatskoj-oblasti-iz-istorii-proishozhdeniya-geograficheskikh-nazvanij.html>

Трагедия..., 2017 – Трагедия камчатского берега / автор-составитель С.И. Вахрин. 2017. 494 с.

References

Kuskov, 1967 – *Kuskov V. P.* Kratkij toponimicheskij slovar` Kamchatskoj oblasti : (iz istorii proisxozhdeniya geogr. nazvanij). Petropavlovsk-Kamchatskij, 1967. – 28 s. // <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii/gubernii-rossii/primorskaya-oblast/knigi-ocherki-stati-publikacii.-kopiya4/kuskov-v.-p.-kratkij-toponimicheskij-slovar-kamchatskoj-oblasti-iz-istorii-proishozhdeniya-geograficheskikh-nazvanij.html>

Tragediya, 2017 – Tragediya kamchatskogo berega / avtor-sostavitel` S.I. Vaxrin. 2017. 494 s.

Иллюстрации

Илл.1. Начальник радиостанции
А.Г. Холманских

Илл.2 Двор Ичинской школы.
Справа – директор

Илл.3 . Ичинская радиостанция

Илл.4. Улица Ичи

Илл.5.Ичинский магазин

Илл.6. Жители Ичи провожают земляков, отправляющихся в отпуск на «Большую землю»

Другие фотографии Ичи и портреты её жителей из архива А.Г. Холманских можно найти по адресу:
https://russiainphoto.ru/search/?source_ids=333